

С.Г.Доронина

**Философия детства: от
имагинативного представления к
научному дискурсу**

Рекомендуемая форма библиографической ссылки

Доронина С.Г. Философия детства: от имагинативного представления к научному дискурсу // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 7-й Международной конференции (15-17 февраля 2024 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2024. — С. 417-422. — <https://keldysh.ru/future/2024/8-8.pdf> <https://doi.org/10.20948/future-2024-8-8>

Размещено также [видео выступления](#)

Философия детства: от имагинативного представления к научному дискурсу

С.Г. Доронина

Институт философии НАН Беларуси

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы исследования детства, тесно коррелирующие с определением способов формирования его значений в истории и культуре. Высказывается предположение о неправомерности научных подходов, исходящих из предустановленного знания об этом сложном феномене и редуцирующих его к выявлению ряда однозначных критериев и характеристик, позволяющих провести четкую демаркацию между детьми и взрослыми. Актуализируется поиск новых методологий исследования детства в контексте междисциплинарного синтеза и философских перспектив его рассмотрения, ориентированных на сущностное и содержательное понимание этого феномена, формирование интегративного представления о нем.

Ключевые слова: феномен детства, взрослость, эпистемология детства, отношения «взрослый–ребенок», философия детства, образ детства

Philosophy of childhood: From imaginary representations to scientific discourse

S.G. Doronina

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. I examine current problems in the study of childhood, which are closely related to determining the ways of forming the meanings of this phenomenon in history and culture. It is suggested that scientific approaches that proceed from pre-established knowledge about the phenomenon of childhood and reduce it to identifying a number of criteria and characteristics that allow a clear demarcation between children and adults are incorrect. The search for new methodologies for studying childhood in the context of interdisciplinary synthesis and philosophical phenomenological and hermeneutic perspectives for its consideration, focused on an essential and meaningful understanding of this phenomenon, and the formation of an integrative idea of it, is being updated.

Keywords: phenomenon of childhood, adulthood, epistemology of childhood, child-adult relations, philosophy of childhood, image of childhood

Многочисленные современные исследования, вокруг которых в настоящий момент формируются знания о детстве, за последние тридцать лет существенно расширили представления об этом феномене. Проведенный нами анализ научных работ показал, что в настоящий момент знание о детстве представляет собой сложную мозаичную картину, в рамках которой отдельные дисциплины описывают его, исходя из собственных критериев объективности и теоретических предположений, что не только затрудняет его понимание, но и не позволяет установить системный взгляд на него.

В основном ученые исходят из заранее установленного априорного согласия с тем, что детство является (пред)заданным, очевидным феноменом и, редуцируя представления о нем к общепринятому в рамках конкретного научного дискурса определению, формируют четкие критерии отличия ребенка и взрослого. Большинство ученых избегают усилий, направленных на выявление содержательной, сущностной или, если использовать терминологию И. Канта, ноуменальной (неявной) природы детства, оставляя за скобками важные аспекты его рассмотрения. Кроме того, – и это другой аспект той же проблемы, – гипотетически перспектива исследования экспертов не совпадает с интенциями детей, их внутренним субъективным опытом и восприятием, поскольку положение субъекта-наблюдателя и исследуемого объекта в корне отличаются. Несколько перефразируя известного философа М. Мерло-Понти, рассуждавшего о возможностях психологии в понимании человеческой природы, можно отметить, что когда существует неравенство между наблюдателем и наблюдаемым, то научное исследование рискует быть не столько отражением последнего, сколько проекцией первого – самой себя [1: 109]. Следуя за мыслью философа, можно продолжить эту аналогию: причастный к определенному научному дискурсу эксперт описывает не саму природу детства, а предлагает одну из его интерпретаций, обусловленную рядом взаимосвязанных факторов (целями и методами исследования, социально-культурными и историческими условиями, научными теориями, в рамках которых работает ученый, и др.).

Такое предположение свидетельствует о наличии предустановленных структур познания этого феномена [2: 21; 3 XI] и актуализирует критическое переосмысление концепций детства, поскольку, как отмечает известный философ Г. Мэтьюз, «любая модель детства может как побудить исключить из нашего видения важные элементы знания и привести к искаженным интерпретациям, так и помочь приблизиться к лучшему пониманию этого феномена» [4: 26]. Путем определения отличающихся друг от друга значений детства в разных концепциях и дисциплинах можно выявить так называемый «зеркальный эффект», позволяющий установить в какой степени взрослые эксперты участвуют в конституировании образов

детства и менталитета детей [1: 260], приблизиться к пониманию механизмов их формирования в истории и культуре.

В этом контексте существенный эпистемологический аспект исследования приобретает поиск методов, позволяющих выявить и установить границы в понимании того, что исходит от ученых, а что принадлежит предмету изучения, по возможности коррелирующих с устранением «естественной установки», с которой часто соотносит себя наука [5: 133; 6: 249-257]. Общепринятые и применяемые в научных исследованиях методы экстраполяции, исходящие из данных полученных опытным путем – психофизиологических, когнитивных и др. коррелятов поведения ребенка, – позволяют вывести универсальные характеристики, схематическое представление о детстве, «общий тип» опыта. В то время как специфические формы восприятия, субъективные переживания детей и многое другое часто остаются за скобками исследовательских интенций, поскольку имеют большую вариативность и сложность, в некотором смысле ноуменальную «плотность», что не позволяет анализировать феномен детства в терминах простой каузальности и объективности.

Поскольку любая теория базируется на понятийном фундаменте, а не только на простом факте существования (*substare*), то дополнительно возникает проблема референции, и, как следствие, появляется необходимость конструирования новой теории идентификации, ориентированной на постижение исследовательского предмета, преодоление дистанции между субъективным и объективным знанием. Как отмечает Т. Нагель: «В настоящее время мы совершенно не готовы думать о субъективном характере опыта, не полагаясь на воображение и не принимая во внимание точку зрения субъекта опыта. Это должно рассматриваться как вызов в формировании новых концепций и разработке нового метода – объективной феноменологии, ...хотя бы частично позволяющей описать субъективный характер переживаний в форме, понятной для существа, неспособного получить такой опыт» [7: 449]. Известное заявление Т. Нагеля о трудности и невозможности понимания «каково это быть кем-то с позиции первого лица» (в нашем случае ребенка/детей), можно расценивать следующим образом: не исключено, что многочисленные образы детства представляют собой теоретические конструкции, далекие от реального положения дел и содержащие различные формы «предрассудков».

Заостряет данную проблему факт того, что вплоть до XX в. мыслители и ученые пренебрегали попытками выявить специфические имманентные детям разных возрастов особенности восприятия и бытийные характеристики, степень познания которых в значительной степени зависит от участия детей в научно-исследовательском дискурсе, наличия методов и средств адекватного изучения и описания их внутреннего опыта. Понимание детей и феномена детства, исходящее из концептуальных построений, принятых за абсолютную истину, – представляет форму отношений, при

которых один (исследователь) заявляет, что выражает требование другого (ребенка/детей) и понимает его лучше, чем тот понимает себя, при этом изначально противопоставляя себе другое лицо, удерживая его на расстоянии [8: 322-323].

Несмотря на неоднородность научных повествований о детстве, наличие преемственности и разрывов в его культурно-исторических интерпретациях, чаще всего под детством понимают очевидное явление, имеющее трансисторический транзитивный характер, признаки которого от эпохи к эпохе уточняются, пересматриваются и трансформируются [9]. При теоретической реконструкции и рефлексивном анализе исторических образов детства можно обнаружить факт использования понятия «детство» в качестве культурно-исторического символа, фиксирующего фундаментальные устойчивые матрицы восприятия и понимания человеческой природы. Представления о детях систематизируются в дескриптивную конструкцию, которая впоследствии становится фундаментальным культурным ядром воспитательных и образовательных практик, элементом онтологических, аксиологических и других теорий развития человека.

В то время как образы детства в разных культурах и эпохах заметно отличаются, подход к конструированию представлений о нем как проекции взрослой жизни, ее потенции – феномен «вымышленного и/или сконструированного детства» – является универсальным и присутствует в каждой культуре, поскольку обусловлен попытками взрослых видеть прежде всего в детях себя.

Рефлексивное осознание этой устойчивой приверженности открывает целый спектр вопросов, касающихся диалектической формы отношений «взрослый–ребенок» в истории человечества, возможностей дифференцировать и идентифицировать элементы этой пары в качестве отдельных единиц. Четких критериев дифференциации детства и взрослости до сих пор не существует – дети являются одновременно и другими (иными), субъективный мир и внутренний опыт которых во многом отличается, и потенциальными взрослыми, имеющими с ними схожие природные данные, функции и потребности. Несмотря на приложенные большие интеллектуальные усилия, эта амбивалентность в определении детства до сих пор присутствует в современных научных построениях, содержащих ряд противоречий, напрямую имеющих отношение к способам формирования значений этого феномена в культуре, «политике» взаимодействия детей и взрослых [2: 17].

Вопреки попыткам произвести деконструкцию субъективности, ввести в постмодернистский научный дискурс понятия множественной, процессуальной, неопределенной идентичности, детей невозможно представить вне отношений с взрослыми, и наоборот. Следовательно, в конструировании образов детства необходимо активное участие не только взрослых исследователей. Интроспективный детский взгляд, ориентированный не на

познание, обусловленное внешними концептуальными рамками, а на выражение и описание имманентных его миру восприятий, позволил бы сместить фокус исследования и обозначить оси научного поиска, исходя из параллельного развития детей и взрослых в истории человечества, а не их противопоставления. Все чаще современные исследователи настаивают на легитимности включения в научный дискурс «голоса» детей, предметов их творчества, эго-документов и т.д., анализ которых дает возможность проникнуть в их внутренний мир; обосновывают необходимость использования диалогических и философских, в частности, феноменолого-герменевтических методов и подходов в изучении детства, позволяющих исходить из симметричных субъект-субъектных отношений, а не из заранее (пред)установленных структур и дисциплинарных рамок, снисходительного отношения к способностям ребенка [10: 132-133].

С точки зрения новой парадигмы изучения детства, появление которой имеет прямое отношение к настойчивым попыткам ученых вернуться «назад к детям», эксплицировать характеристики «чистого» детского опыта, – детство представляет многогранный феномен, имеющий сущностную сложную природу и который можно описать, исходя из различных систем координат. Все чаще появляются мнения, свидетельствующие о необходимости рассматривать детство как одну из модальностей человеческого существования, звучат призывы исходить из диалогичности его познания – посредством диалога с формами жизни детства взрослый перераспределяет, воссоздает его в качестве элемента телеологии своего жизненного цикла.

Объединяющим стержнем этих тенденций является философия детства, которая в течение последних тридцати лет приобрела категориальный статус междисциплинарной программы и может рассматриваться в качестве субрегиона общего научного знания, заостряющего внимание на ряде не актуализируемых другими дисциплинами вопросов. Что и как взрослые эксперты могут знать о детстве и внутреннем субъективном опыте ребенка; в какой степени детство является историческим и социально-культурным конструктом; какие скрытые предположения лежат в основе объяснительных конструкций изучения этого феномена; в чем сущностный смысл детства; как понятие «детство» функционирует в самопонимании взрослых в истории культуры и мышления человечества; какие уровни представленности этого феномена в современном научном дискурсе; какая семантика понятия «детство», широкое использование которого часто не подкреплено достаточно убедительной рефлексией?

Эти и многие другие вопросы имеют прямое отношение к способам социально-культурного регулирования отношений «взрослый–ребенок», формированию воспитательно-образовательных практик – взрослые эксперты конструируют представления о детстве, а дети, в свою очередь, строят мир в рамках возможностей и ограничений, предоставленных этими конструкциями.

Последний тезис в контексте осмысления проблем проектирования будущего, представления о котором во многом предопределяются доминирующими в настоящем формами знания, содержащими активные следы прошлого, и в совокупности с приведенными доводами приобретает особое значение. Фундаментальная значимость современных исследований детства [10], ориентация на сущностное и глубинное, интегративное понимание этого феномена напрямую имеют отношение к поиску оптимальных (*от лат. optimus – «наилучший»*) осей кристаллизации будущего образа детства, выступающего в качестве символа человеческой природы, зеркального отражения культуры взрослости, которые имеют изменчивый характер.

Литература

1. *Merleau-Ponty M.* Phenomenology of perception. – London: Routledge and Kegan Paul., 1962. – 544 p.
2. *Polokow V.* The erosion of childhood. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 221 p.
3. *Postman N.* The disappearance of childhood. – 1st Vintage Books ed. Originally published: New York: Delacorte Press, 1982. – 151 p.
4. *Matthews G.* The philosophy of childhood. – Cambridge: Harvard University Press, 1996. – 136 p.
5. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М.: Ювента : Наука : Gallimard, 1999. – 602 с.
6. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Э.Гуссерль. Избранные работы / Сост. В.А. Куреной. – М.: Территория будущего, 2005. Книга I. С.243-258.
7. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // The Philosophical Review. 1974, 83(4), 435-450.
8. *Gadamer H.G.* Truth and method. – New York: Crossroad, 1975. – 551 p.
9. *Доронина С.Г.* Истоки современных представлений о детстве: Онтогносеологический аспект // *Studia Rossica Gedanensia.* 2021, 8, 253-266.
10. *Доронина С.Г.* Философское исследование феномена детства: проблемы и перспективы // *Социум и власть.* 2021, 1(87), 127-137.